

Борьба за цифровой суверенитет в многополярном мире: вызовы глобального Юга и анализ китайского механизма.

Научный руководитель – Адамс Ольга Юрьевна

Хуан Чжэн

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
глобальных процессов, Москва, Россия

E-mail: oleghuang@qq.com

В 2013 г. бывший сотрудник ЦРУ Эдвард Сноуден передал газете *The Guardian* секретные документы о программе слежки «PRISM», что вызвало международный резонанс; пострадавшая в эпизоде канцлер ФРГ Ангела Меркель призвала ужесточить правила защиты данных в ЕС.[10] В 2020 г., в период председательства Германии в Совете ЕС, был выдвинут термин «цифровой суверенитет», и с тех пор концепция привлекла широкое внимание академии, индустрии и политологов.

Лидерство в глобальной цифровизации по-прежнему сохраняется за технологически продвинутыми странами. Большая часть мировых пользователей привязана к платформам нескольких крупных корпораций, базирующихся в США и тесно взаимодействующих с американским государством;[7] следовательно, значительная доля стран Глобального Юга фактически передаёт свои данные внешним платформам. Настоящее исследование анализирует вызовы цифрового суверенитета стран Глобального Юга и инициативы КНР в сфере цифрового управления, предлагая новые аналитические перспективы по проблематике цифрового разрыва и глобального управления.

В отличие от физической территории, цифровое пространство не имеет материальных границ: цифровая активность государств взаимопереплетается и технологически зависит друг от друга. В этих условиях идея расширения государственного суверенитета на цифровую сферу и стремление к «исключению внешнего вмешательства» получают различные интерпретации. Страны Глобального Севера, несмотря на разные стратегии, демонстрируют сильное осознание цифрового суверенитета: они защищают собственные интересы и используют возможности для расширения нормативного и инфраструктурного влияния. В противовес этому у КНР, России и ряда стран Юга сознание цифрового суверенитета во многом формировалось реактивно, под давлением северных акторов.

На фоне международной нестабильности автономия цифрового суверенитета приобретает стратегическое значение. События последних лет — беспорядки в Гонконге (2019), удаление сайтов иранских государственных СМИ с корневых DNS (2021), ограничение распространения контента и блокировки после начала СВО в России (2022) — демонстрируют, что цифровое пространство перестало быть нейтральной «виртуальной» зоной, не связанной с государственным суверенитетом. Для стран Глобального Юга сохраняется риск того, что контролируемые США платформы и массивы данных внезапно превратятся в инструмент давления и угрозу национальной безопасности.

Будучи технологически и экономически отстающими, многие страны Юга уязвимы в трёх измерениях: национальная безопасность в киберсреде, развитие цифровой экономики и возможность юрисдикционного правоприменения в трансграничной цифровой среде. Доминирование американских технологических корпораций в ряде государств (включая ЮАР и Бразилию) породило феномен, который в литературе нередко называют «цифровой зависимостью» или «цифровым колониализмом»: монопольный контроль инфраструктуры и данных обеспечивает извлечение ренты и влияние на политическую, эко-

номическую и культурную жизнь, а также масштабный мониторинг и идеологическое легитимированные господства.[7]

Следовательно, первоочередной задачей является создание комплексной системы измерения цифрового суверенитета, отражающей общие запросы стран Глобального Юга и позволяющей объективно оценить их положение для разработки национальных стратегий. Такая система должна учитывать инфраструктурную автономию, правовую готовность, промышленную автономию, степень зависимости от внешних платформ и участие в международных процессах регламентации.

Китай, одна из ранних в регионе стран, прошла путь от открытости западным технологическим компаниям к усилению цифровой автономии. В ответ на влияние платформ на общественное мнение и политику государство распространило суверенные управленческие полномочия на цифровую сферу: усилилось законодательство о сетевой и информационной безопасности, развиваются технологическая самостоятельность и институциональные инновации, включая признание данных как фактора производства. На международном уровне КНР пытается транслировать элементы своей модели в рамках многосторонних форматов (например, БРИКС) и практик, таких как «Цифровой шелковый путь», предлагая техническую и инфраструктурную помощь для сокращения цифрового разрыва и предоставляя странам Юга альтернативу западной технологической экосистеме.[11]

Таким образом, предложенная КНР модель может рассматриваться как институциональный ответ на цифровую гегемонию Глобального Севера — попытка сформировать альтернативную парадигму управления на принципах открытости, инклюзивности и уважения суверенитета. Вместе с тем остаются ключевые вопросы, требующие дальнейшего анализа:

1. Как сочетать укрепление государственного суверенитета с эффективностью трансграничных потоков данных и поддержанием экономической динамики?
2. Как гарантировать, что международные проекты действительно наращивают внутренние возможности принимающих стран, а не создают новую зависимость?
3. Как обеспечить баланс между суверенитетом и защитой индивидуальных прав?

Указанные вопросы свидетельствуют о том, что проблематика цифрового суверенитета выходит за рамки исключительно технологических или экономических аспектов и представляет собой системную проблему, связанную с выбором политических ценностей и моделей управления. Практика цифрового управления и международные инициативы сотрудничества, реализуемые Китай, предоставляют странам Глобального Юга институциональную траекторию, пригодную для заимствования, однако её долгосрочная эффективность будет зависеть от развития национального потенциала соответствующих государств и совершенствования многосторонних механизмов управления.

Источники и литература

- 1) Дятлов С.А. Борьба за цифровой суверенитет в условиях усиления глобальной гиперконкуренции и геополитической фрагментации // Известия СПбГЭУ. 2022. No. 5. С. 55-59.
- 2) Ирина В.С. Цифровой суверенитет и безопасность — доминанты нового миропорядка: уголовно-правовой аспект // Право: история и современность. 2023. No. 4. С. 464-472.
- 3) Михаил А.Б. Цифровизация геополитики: конфликт и сотрудничество // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2024. No. 2. С. 27-46.
- 4) Михайлова А.А. Россия и Китай в международном цифровом пространстве // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2023. No. 2. С. 31-45.

- 5) Sahakyan, M.D. China's digital silk road and the eurasian economic union's member states: cooperation, challenges, and opportunities // Asian Affairs, 2024. No. 4. С. 603–622.
- 6) Ляо Фань. Цифровой суверенитет и глобальное цифровое управление // Журнал Цзинаньского университета (философия и социальные науки). 2024. No. 7. С. 47–60.
- 7) Сюн Цзе. Цифровой суверенитет с позиции Глобального Юга: позиции стран и система измерения // Журнал Цзинаньского университета (философия и социальные науки). 2025. No. 8. С. 13–35.
- 8) У Цзянсин, Цзоу Хун, Чжан Фань, Шан Ютин. Исследование ряда проблем цифрового суверенитета и национальной безопасности // Китайские исследования безопасности. 2023. No. 3. С. 74–90.
- 9) Ю Сюэхао. Цифровой двойной стандарт: правовая несимметрия в торговле цифровыми услугами и проблемы развития Глобального Юга // International Economy and Development. 2025. No. 5. С. 42–45.
- 10) Ereactive.com: <https://www.euractiv.com/news/prism-case-prompts-merkel-to-seek-tougher-eu-data-protection-laws/>
- 11) Mfa.gov.cn: https://www.mfa.gov.cn/web/wjbm_673085/zjzg_673183/jks_674633/zlc_674645/qt_674659/202305/t20230525_11083602.shtml